

Груздев Владимир Сергеевич

кандидат юридических наук,
председатель правления общероссийской
общественной организации
«Ассоциация юристов России»

**ФИЛОСОФСКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО
ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА**

Аннотация:

В статье рассматривается проблематика использования в современной юридической науке (философии права и теории права) реализма как приема или концептуально оформленной стратегии правопознания и правопонимания. Проблема реализма в этом ключе тесно связана с его философско-методологическими основаниями, которые составляют несущий каркас любой юридической концепции. Вопросы реализма в сфере права охватывают широкий круг фундаментальных и прикладных аспектов, поэтому в настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы преимущественно новейшей философии права и юридической теории, в которых реализм в подчеркнутой или имплицитной форме составляет один из основных подходов к познанию и трактовке права. Проблема правового реализма сегодня ошибочно редуцирована до юридического инструментализма и прагматизма, которые являются лишь частным случаем использования реализма в качестве установки правопознания и правопонимания. В качестве доминирующей тенденции при использовании приема онтологизации права выступает возрождение интереса к феномену реальности субъективного, опирающегося в основном на социально-психологические и метафизические аргументы.

Ключевые слова:

философский реализм, правовой реализм, реальность субъективного, онтология права, реальность правовой формы, материя правовой формы, социально-психологический правовой реализм, метафизический правовой реализм

Gruzdev Vladimir Sergeevich

PhD in Law,
Chairman of the Board,
All-Russian Non-Governmental Organisation
“Association of Lawyers of Russia”

**PHILOSOPHICAL
AND METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS
OF MODERN LEGAL REALISM**

Summary:

The paper deals with the problems of using realism in modern legal science (philosophy of law and theory of law) as a method or conceptually designed strategy of legal knowledge and legal understanding. The problem of realism in this sense is closely related to its philosophical and methodological foundations, which form the supporting framework of any legal concept. Questions of realism in the field of law cover a wide range of fundamental and applied aspects, so this paper deals mainly with topical issues of modern and contemporary philosophy of law and legal theory, in which realism in an explicit or implicit form is one of the main approaches to the knowledge and interpretation of law. Nowadays, the problem of legal realism is mistakenly reduced to legal instrumentalism and pragmatism, which are only a special case of using realism as a setting of legal knowledge and legal understanding. The dominant trend in using the method of ontologization of law is the revival of interest in the phenomenon of subjective reality, based mainly on socio-psychological and metaphysical arguments.

Keywords:

philosophical realism, legal realism, subjective reality, ontology of law, reality of legal form, matter of legal form, socio-psychological legal realism, metaphysical legal realism

Проблема реализма в современной юридической науке теснейшим образом связана с тенденциями развития философии в Новое время. Речь прежде всего идет о философских доказательствах или опровержениях существования внешнего мира. Еще Дж. Локк, будучи реалистом, усомнился в существовании внешнего мира. Его последователь Дж. Беркли пришел к полному отрицанию внешнего мира, а единым сущим стал признавать простые идеи или ощущения. Спустя столетие один из представителей немецкого идеализма И. Фихте пришел к такому же отрицательному заключению, называя единым началом мироздания человеческий дух, субъективное «я». В XIX и XX вв., равно как и в наши дни, философский субъективизм признается, почти без всяких доказательств, чуть ли не единственно правильной и центральной линией философского осмысления мира*, что проявляется отчетливо и в философии права (В.П. Малахов, А.В. Поляков и др.).

Н.А. Бердяев, констатируя симптомы глубокого кризиса философии в начале XX в., писал по этому поводу: «Вся *новейшая* философия – последний результат всей *новой* философии –

* В.А. Лекторский в своих работах отмечает, что тенденция доминирования философского субъективизма продолжается уже более трехсот лет, сохраняясь в значительной степени и сегодня.

ясно обнаружила роковое свое бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта. Даже больше: философия эта пришла к упразднению бытия, к меонизму, повергла познающего в царство призраков. Критическая гносеология начала проверять компетенцию познания и пришла к тому заключению, что познание не компетентно связать познающего субъекта с объектом познания, с бытием. Реалистическое чувство бытия и реалистическое отношение к бытию – утерянный рай» [1, с. 12]. Предлагая собственное видение путей преодоления кризиса философии в обращении к религии как *жизненной основе философии, питающей ее реальным бытием* [2], он отстаивал мысль о том, что настоящим испытанием для всякой философии является «истинное решение проблемы *реальности*, проблемы *свободы*, проблемы *личности*». По утверждению Н.А. Бердяева, «подозрительна та философия, для которой реальность – призрачна, свобода – призрачна, личность – призрачна» [3].

Как писал Н.А. Бердяев, «современная философия – философия иллюзионистская по преимуществу, ее гносеология отвергает не только реальность отношения к бытию, но и само бытие, лишает человека изначально свободы, свободы безмерной и безосновной, разлагает личность на дробные части, отвергая ее изначальную субстанциональность» [4]. Поэтому он всецело захвачен вопросом о реальности, которая и есть истинное пространство, субстанциональная основа свободы и личности. Отсюда понятны акценты и приоритеты в гносеологии: научное познание – прагматический позитивизм, философское – мистически-религиозный реализм, а критическая гносеология субъективизма объявляется им «дурной метафизикой».

Спустя столетие после критики субъективизма в работах Н.А. Бердяева о тех же по существу симптомах кризиса философии пишет наш современник В.А. Лекторский, выступающий в защиту философского реализма. Он, в частности, отмечает, что последние два десятилетия ознаменовались в отечественной литературе доминированием антиреализма. «Многим кажется, – пишет В.А. Лекторский, – что философский реализм по отношению к науке (научный реализм) или обыденному опыту (наивный реализм) – анахронизм, что и наука, и философия, и социальная жизнь выявили его несостоятельность и что защищать философские реализм в наше время дело безнадежное» [5, с. 4].

В.А. Лекторский справедливо обращает внимание на то, что вся европейская философия, а также многие науки о человеке на протяжении последних трех веков были проникнуты философским субъективизмом, мыслью о том, что человеку непосредственно дан лишь его субъективный мир. Эта точка зрения и сегодня остается весьма популярной. Общая тенденция именно такая. Но, вознося солипсизм как установку познания, отказываясь от внешней реальности, объективного мира, философы, в том числе философы права, должны подобрать некую философскую форму для бытия и существования этого исключительного «я». Ведь это «я» должно где-то бытийствовать, чтобы его можно было понимать как философскую проблему. Равно как субъективное «я» должно иметь свое существование, некую конкретность, явленность, что только и позволяет фиксировать субъективное «я» не как случайное, мимолетное, трудноуловимое, бесформенное, а как нечто цельное и единое, как сущность и явление внутри себя и в некой оформленности, объективированности.

Отсюда мир реальности духа: у И. Канта и И. Фихте – мир субъективного; у Ф. Шеллинга и Г. Гегеля – мир объективного, оторванного от субъекта. Во всяком случае духовное, в отличие от одностороннего материализма софистов античности, в Новое время – это тоже реальность, которая признается, обнаруживается, осмысливается в категориях, подчеркивающих реализм субъективного сознания: его бытия, существования, действительности, данности и т. п. Поэтому с отказом от реализма внешнего мира приемы анализа сознания как внутренней субъективной реальности (реальности субъективного), соответствующие понятийные конструкции изучения и трактовки закономерностей внешнего мира почти не были отвергнуты, в основном они оказались просто средствами познания по-прежнему реальности, правда, теперь другого типа. Но тогда речь должна вестись, по существу, о реализме как необходимой гносеологической предпосылке современной теории познания. Например, в постсоветский период в философии права и теории права актуальными оказались традиционные подходы, возникшие в западноевропейской философии, по крайней мере, с Р. Декарта, в частности, философский субъективизм, который с третьей четверти XIX в. значительно укрепился за счет союза с психологией, начавшей развиваться как самостоятельная наука.

В наше время представители так называемой Петербургской школы философии права А.В. Поляков и И.Л. Честнов [6], опираясь в основном на идеи Л.И. Петражицкого, обозначили как основную творческую задачу обоснование «*новой правовой реальности*», «*новой онтологии права*», а именно реальности субъективного на основе идеи социально-психического приспособления (психического и социального общения) [7, с. 597]. В русской юридической литературе эту

позицию до Л.И. Петражицкого отстаивал в конце 1870-х гг. П.В. Деларов [8]. В работах В.П. Малахова [9] схожим образом, только с опорой на взгляды советского философа М.К. Мамардашвили, звучит призыв к метафизическому разъяснению новой правовой реальности, подчеркнуто обособляемой исследователем от психологического реализма ввиду их явного внешнего сходства.

Если мы принимаем за исходную идею в области познания права мысль о том, что единственным подлинным объектом познания является субъективная реальность, или реальность субъективного, то лишь тогда можем в этой реальности обнаружить закономерности, раскрывающие ее сущность, возможные конкретные проявления и т. п. Иначе как может познаваться то, что не имеет закономерного внутри себя? Еще Парменид сравнивал понятия реальности как размытого понятия и бытия как простого понятия. Последнее неопределимо, потому что является простым, смысл которого обнаруживается его принципиальным отличием от небытия. Поэтому понятие реальности в философии Нового времени и современных концепциях по-прежнему редко имеет строго определенный вид.

Реальность на философском и даже научном языке, в отличие от обыденного, легко адаптируется к любому набору гносеологических подходов и приемов. Она почти обязательно будет присутствовать в том или ином – явном или имплицитном – виде. Поэтому в интересующей нас области, в области юридической науки и литературы, когда ставится вопрос о реализме или реалистическом в правопонимании, всегда, имея в виду философско-правовой подход, употребление этих характеристик и определений требует существенных уточнений: какой тип реализма положен в основу, какой тип реальности признается, какие приемы признания или конструирования реальности используются и т. д. Кроме того, реализм как стратегия правопознания присутствует во многих концепциях и теориях, которые даже не позиционируют себя как таковые. Это связано с тем, что реализм является существенным и необходимым гносеологическим приемом для распознавания закономерностей как субъективного, так и объективного в праве.

Реализм отнюдь не ограничивается онтологизацией социального опыта или социальных отношений, т. е. так называемым социальным реализмом. Он может носить психологический, социологический, формально-юридический, социокультурный, идейно-понятийный, религиозно-мистический, прагматистско-позитивистский, гносеологический (в узком смысле), материалистический и иной характер, который задается в рамках стратегии правопознания. Наиболее существенное в этой стратегии или приеме, если он менее разработан, состоит в том, что в рамках процедуры правопознания осуществляется сознательная, или концептуальная, онтологизация права (в институциональной или интеллектуальной форме) как объекта познания с целью выявления и объяснения его закономерностей и функциональных связей. Например, на протяжении уже более двух веков в философско-правовой литературе встречается такой прием, как отождествление права с организмом.

Данный момент легко обнаруживается в работах немецких философов-идеалистов, а в XIX столетии приобретает невероятную популярность среди философов права и юристов. Это позволяет рассматривать право как нечто цельное, напоминающее собой организм, который имеет внутреннюю и внешнюю природу, структуру и функции. Соответственно, по аналогии с восприятием организма, его анатомией и физиологией описывается природа права. В наше время уже как само собой разумеющееся воспринимается использование структурно-функционального анализа в обсуждении права и правовых явлений. Хотя в действительности мы понимаем, что такой прием является следствием использования в гносеологических целях модели определенной онтологизации права. Соответственно, даже в субъективизме или солипсизме можно отчетливо проследить, как право в своей субъективной реальности моделируется с точки зрения элементов, связей, функций, что возвращает непременно к логике реализма как стратегии правопознания.

В работах В.С. Нерсисянца [10] и С.С. Алексеева [11] используется общий (хотя в каждом случае по-своему) прием онтологизации правовой формы, признается объективная реальность правовых формальностей, формально-правовая реальность. Это позволяет, с одной стороны, рассматривать право с точки зрения закономерностей правовой формы, отвлекаясь от содержания; с другой – обнаружить в правовой форме, которая онтологизирована, собственную материю, материю формы. Утверждая последовательно мысль об объективной реальности права, С.С. Алексеев в работах постсоветского периода писал: «...само право (именно как “форма”! – вот такой здесь парадокс) имеет свою материю, – *материю права*, выраженную главным образом в *догме права, во всей системе правовых средств...*» [12, с. 25], а «сила права как формы... – это сила собственной материи права, когда право слито с ее внутренней организацией, структурой», что «и дает обоснование *собственной ценности права как особой объективной реальности, отличающейся специфической логикой и силой в жизни людей*» [13].

Таким образом, в современных подходах к обоснованию права реализм используется широко, в первую очередь в качестве философско-методологической стратегии правопознания и

правопонимания. Он является не просто вспомогательным, а принципиально значимым приемом (совокупностью методологических средств), одной из ключевых установок разработки и разъяснения правовой проблематики, т. к. позволяет фиксировать в сфере познания права его собственную сферу бытия (в отличие от политики, экономики, религии, культуры и т. д.), включая все последующие атрибуты онтологического статуса (существование, действие, действительность, данность и т. п.), как нечто непознанное и неконкретное, но именно благодаря этому обладающее проблемностью. В настоящее время доминирующей тенденцией в онтологизации права как стратегии правопознания и правопонимания выступает моделирование или распознавание реальности субъективного с помощью социально-психологических или метафизических аргументов.

Ссылки:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 2015. 522 с.
2. Там же. С. 14.
3. Там же. С. 15.
4. Там же.
5. Лекторский В.А. Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // Перспективы реализма в современной философии. М., 2018. С. 4–25.
6. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. 94 с. ; Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. 104 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. 608 с.
8. Деларов П. Очерки по энциклопедии права. СПб., 1878. 548 с.
9. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 502 с.; Его же. Концепция философии права. М., 2007. 751 с.
10. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2009. 848 с.
11. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 752 с.
12. Алексеев С.С. Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000. 250 с.
13. Там же. С. 25.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична